

Усмамбетов Баяман Жунушбекович

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, И ИХ МЕСТО В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье определяются семантические особенности некоторых лексических средств, в частности слов, обозначающих виды седла и его составные части. Этимология данных слов рассматривается на основе сравнительного и сопоставительного методов как в родственных языках, так и в отдельно взятых диалектах и говорах. Приведены примеры использования указанной выше лексики в разговорной речи, а также в пословицах. Вместе с тем анализируется продуктивность отдельных корней и словообразовательных аффиксов. Кроме этого, отдельные слова, которые отсутствуют в словарном составе современного кыргызского языка, были взяты из трудов по искусствоведению и этнографии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 163-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

В данной статье определяются семантические особенности некоторых лексических средств, в частности слов, обозначающих виды седла и его составные части. Этимология данных слов рассматривается на основе сравнительного и сопоставительного методов как в родственных языках, так и в отдельно взятых диалектах и говорах. Приведены примеры использования указанной выше лексики в разговорной речи, а также в пословицах. Вместе с тем анализируется продуктивность отдельных корней и словообразовательных аффиксов. Кроме этого, отдельные слова, которые отсутствуют в словарном составе современного кыргызского языка, были взяты из трудов по искусствоведению и этнографии.

Ключевые слова и фразы: лексико-семантические особенности; словообразовательные аффиксы; словарный состав; этимология; диалект.

Усамбетов Баяман Жунушбекович, к. филол. н., доцент
Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева (Кыргызская Республика)
bustambetov@mail.ru

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, И ИХ МЕСТО В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

Общеизвестно, что национальная утварь, предметы обихода имеют немаловажное значение как предметные показатели материальной, отчасти и духовной культуры каждого народа, поскольку в них кроются мировоззренческие, философские и эмпирические концепции, которые складывались, совершенствовались в народе на протяжении многих веков.

В этом отношении своей уникальностью и самобытностью выделяется и кыргызское народное прикладное искусство, отличающееся богатством своих направлений и жанров.

Научный интерес в кыргызском языке вызывают и названия необходимых в жизненной практике предметов, потому как этимология этих слов включает в себя информацию разных аспектов.

В области общего языкознания многие слова, относящиеся к упомянутой тематике, имеют место в Терминологическом словаре В. Бурнашева (1843; 1844), Толковом словаре В. И. Даля (1866; 1881; 1882; 1882), Кыргызско-русском словаре К. К. Юдахина (1965), содержащем 40 тысяч слов. Помимо названных выше словарей в данном направлении, в частности по вопросам профессиональной лексики, созданы и научные труды следующих авторов: Е. Н. Толькина (1954); М. Л. Литвинова (1955); О. Н. Трубачева (1963); Г. Дадаханова (1963); Ш. Баратова (1971); И. Оторова (1974); Р. Г. Рахимова (1983) и др. А в области кыргызского языкознания имеются труды Т. Дуйшоналиевой (1969); Н. Назаралиева (1971); А. Биялиева (1972); М. Юсуповой (1975); И. Абдувалиева (1982) и др. Но, несмотря на наличие отмеченных выше трудов, в кыргызском языкознании имеют место малоизученные вопросы по данному направлению, особенно это касается определения этимологии отдельных слов. Исходя из этого, в данной статье мы остановимся на лексических средствах, означающих предметы материальной культуры.

В кыргызском языке **ээр** (седло) – часть упряжи для верховой езды, т.е. сиденье для всадника с овальными передней и задней лукой [12, с. 774]. В кыргызском диалекте **эгер** [3, с. 63], в узбекском языке **эгар** [14, с. 773], в туркменском языке **зер** [17, с. 794], в алтайском языке **ээр** [13, с. 685]. В древнетюркском языке встречались варианты **эгер** ~ **езер** ~ **егер**, что означало “седло” [6, с. 164]. Корень данного слова **ег** означает действие “гнуть, сгибать” [8, с. 242]. Начальная фонетическая форма сохранилась в южном диалекте кыргызского языка. Что касается аффикса **ер** (**//-ар**, **//-ыр**, **//-ур**, **//-үр**, **//-ор**), то он, как непродуктивная грамматическая форма, встречается в составе целого ряда слов в современном кыргызском языке: **өнүр** “пальто”, **бүкүр** “горбатый”, **такыр** “голый, без растительности”, **көмүр** “уголь”, **камыр** “тесто”, **ашар** “взаимопомощь”, **учур** “время” и др. Подобную кыргызскому седлу форму имеет и казахское седло [4, с. 177-183]. Исторические сведения о кыргызском и алтайском седле совпадают со сведениями о древнетюркском седле [5, с. 71-74]. Исходя из этих исторических данных, можно сделать вывод о том, что пути развития материальной культуры кыргызского народа и народов, населявших такое огромное геопространство, как Средняя Азия и Казахстан, Саяно-Алтай, Монголия, Восточный Туркестан и, наконец, Тибет, имеют общее историко-культурное, этногенетическое начало [11, с. 71].

В кыргызском языке относительно разновидности, предназначения седла существует название **эр ээри** “седло для мужчин”, а также **кыз-келиндер ээри** “седло для девушек и женщин”. Как правило, седло для женщин отличается от мужского своей изысканной, художественной формой. Помимо этого, седло различается еще по тому признаку, из какого материала оно сделано: **жумшак (кийиз) ээр** – “седло из войлока” и **жыгач ээр** – “деревянное седло”, т.е. сделанное из цельного дерева. А по способу изготовления кыргызское седло делится на следующие виды: **аштама ээр // курама ээр** – буквально собранное седло, в южном диалекте кыргызского языка встречается вариант **аргын ээр**, что означает то же самое, т.е. собранное седло. Такое седло изготавливалось мастерами из таволги либо березы путем их высушки. Далее сухие материалы из дерева соединялись, фиксировались жилой и затем сверху намазывался природный клей [2, с. 28-38]. Изготовленное

этим древним способом седло отличалось легкостью и прочностью от седла, изготовленного из цельного дерева [8, с. 86]. Первый компонент названия этого седла **аштама** происходит от глагола **ашта**, т.е. вставлять рукоятку, насаживать на рукоятку, который встречается в составе словосочетаний **найза ашта** “насадить наконечник копыя на дерево”, **керки ашта** “насадить тесло на рукоятку” и др. В древнетюркском же языке данное слово употреблялось в контекстах, связанных со скреплением чего-либо, например скрепить треснутую посуду. Именно в этом смысле данное слово встречается в «Диване» Махмуда Кашгари: **ал аяк ашлады** “он скрепил (разбитую) чашу при помощи скобы” [9, с. 80]. В данном контексте слово **аш** означает действие – “скрепить” [Там же]. Путем соединения аффикса **-та**, с помощью которого образуются глаголы в кыргызском языке, появился глагол **ашта**, означающий в современном кыргызском языке “напяливать, стискивать” [16, с. 37]. Что касается названия второй разновидности седла, т.е. слова **курама**, то его корень **кура** означает комплексное действие – “составлять из отдельных кусочков”, относится к активной лексике современного кыргызского языка. А слово **аргын**, которое, как отмечено выше, встречается в южном диалекте кыргызского языка, тоже состоит из двух морфем: корень **ар** в древнетюркском языке означал “отделять” [6, с. 50], а аффикс **-гын** встречается в современном кыргызском языке в составе слов **качкын** «беглец», **сүргүн** «сылка», **туткун** «пленник», **ташкын** «наводнение», **учкун** «искра» и др. По способу изготовления седла выделяют еще одну его разновидность – **чаптама ээр** – делается путем приклеивания составных частей седла. В южном диалекте кыргызского языка вместо корня **чапта**, который означает действие (заклеивать, приклеивать, наклеивать), употребляется заимствованное иранское слово **пайгер** (приклеивать), в результате чего образовалось слово **пайгер ээр** [13, с. 604]. В северном диалекте употребляется вариант **кудаяр ээр** – седло Кудаяра, связанное с именем мастера, который делает седло. В кыргызском языке помимо вышеназванных слов существуют и такие названия, как **дан (нан) баш // калмак ээр** – калмыцкое седло, которое отличается тем, что передняя часть седла, т.е. передняя лука, имеет замкнутую, дугообразную форму. Такое седло встречается в данное время на юге Кыргызской Республики. Что касается слова **дан** в составе названия, то оно в Иссык-Кульском говоре означает **нан** – хлеб [2, с. 42]. Например, **Дан ооз тийгиз** – дай им отведать хлеба; **Данга бата кылып койгула** – Произнесите благословение перед тем, как отведаете хлеба и др. Значит, название седла связано с ассоциативным представлением формы передней части седла с хлебом, точнее с лепешкой. К названиям, связанным с передней частью седла, можно отнести и слово **кучмач** в кыргызском языке, которое, как упомянуто выше, употребляется в отношении седла с узкой либо раздвоенной формой передней луки. Это же слово в Иссык-Кульском говоре встречается в форме **баш ээр** [2, с. 19], а в южном диалекте **анжиян ээр** – андижанское седло [3, с. 38]. Слово **кучмач** состоит из двух компонентов **куч** – **мач** (> **кууш** “узкий” **баш** “голова”), оно подверглось фонетическим изменениям. Грамматическая форма **-мач** в современном кыргызском языке употребляется как словообразовательный аффикс. Например, **айырмач** «детское седло», **колтурмач** «боковые перила на детском седле», **тилмеч** «переводчик», **жаңылмач** «скороговорка» и т.д. Седло упомянутого выше образца ранее широко использовалось в южном регионе Кыргызстана, в настоящее же время оно распространено во всех регионах нашей республики [4, с. 59].

Далее остановимся на разновидности седла **айырмач** (детское седло), передняя и задняя лука которого специально делается в вертикальной форме. В казахском языке слово имеет фонетическую форму **айырмаш**, корнем которой является морфема **айыр // айры // айр**, в древнетюркском языке означающая “разделять, различать” [8, с. 15], а **-мач** – окончание (< **баш** “голова”). Данное название, безусловно, связано с формой седла [5, с. 151]. Только детское седло, или **айырмач**, имеет стремя из войлока или кожи, чтобы оно не натирало детям ноги. Слово **колтурмач** означает палки либо веревку, проведенную через специальные отверстия в передней и задней части седла, чтобы дети не упали с седла [4, с. 32]. Как и предыдущие слова, **колтурмач** состоит из двух частей – **кол** (рука) и **-тур**. Второй компонент (**-тур**) является вспомогательным глаголом в кыргызском языке, имеющим семантику непрерывности и длительности движения.

Имеется еще один вид седла, которое называется **ак каңкы // каңкы**, передняя лука такого седла имеет форму плавного полукруга. Данное седло в Иссык-Кульском говоре называется **монгол ээри** – монгольское седло [2, с. 38], в южном диалекте – **кокон ээри** – коканское седло [3, с. 97]. По мнению И. Абдувалиева, первый компонент **каңкы** связан со словом **каң**, которое раньше означало “место спайки, соединение” [1, с. 10]. Данная версия нас не удовлетворяет, потому что слово **каң** относится исключительно к словам, означающим металл [18, с. 462]. Мы предполагаем, что начальная форма данного слова – **каңкы**, которое со временем потеряло свое значение и сохранилось в составе слова **каңкый** “высокий”, например **каңкыйган боз ат** – крупная сивая лошадь; **каңкыйган үй** – громоздкий дом, **каңкыйган аска** – высокая скала и др. [19, с. 341]. Это, очевидно, связано с размером данного вида седла. **Калкан ээри** – седло-щит использовалось в исключительных случаях, к примеру во время сражений на пиках. Это слово вошло в разряд историзмов, в современном кыргызском языке не употребляется. Слово **калкан** в данном контексте имеет переносный смысл, прямое значение – “щит”. Передняя лука такого седла называлась **чарайна**, что означало “латы”, слово имеет иранское происхождение [Там же, с. 848].

Что касается составных частей седла, то каждая из них имеет свое название. Во время археологических раскопок обнаруживались части или фрагменты седла, благодаря которым узнавали о технологии изготовления седла в разные исторические эпохи, к примеру технология использования тесьмы или клея в процессе изготовления седла [9, с. 86].

Кобул ~ **конул** // **акта** – передняя часть седла, углубление во внутренней стороне, название образовано метафорическим путем на основе внешнего сходства с щелью, узким пространством. А этимон слова **акта**,

как мы предполагаем, имеет иранское происхождение и означает “охлажденную лошадь”, “охлажденного осла” [19, с. 39]. К составным частям относится и **актырга // жан жыгач** – лавки (боковые части) ленчика седла, первое слово, т.е. слово **актырга**, вполне возможно, связано со словом **акта** (см. **кобул**). Что касается второго слова **жан жыгач**, как известно, в кыргызском языке компонент **жан** означает правую и левую стороны. Лавки делятся на переднюю и заднюю, к передней прикрепляется **көмөлдүрүк** (нагрудник) и **кол канжыга** (передняя торока), а к задней лавке – **куюшкан** (подхвостник), **канжыга** (торока), **кош басмайыл** (двойной катаур). Кроме этих составных частей имеется и **каш** (*//томполой~ээрдин томполою*) – лука седла, которая предназначена для развешивания поводьев или плетки. В кыргызском языке для обозначения задней части седла в переносном смысле употребляется слово **каш** (лука): *Ажырашаар дос ээрдин арткы кашын сурайт* (макал) – Друг, который хочет расстаться, просит заднюю луку седла (поговорка). Слово **каш** в прямом смысле означает “передо мной” (например, *кашымда турат* “стоит передо мной”) [Там же, с. 362]. Синонимом слова **каш**, как обозначено выше, является слово **томполой**, образованное от слова **томпок** (выпуклый) и грамматической формы **-ой**, с помощью которой в кыргызском языке образуются имена прилагательные. Данный аффикс встречается, к примеру, в составе таких слов, как **балтагай** “о чём-либо очень толстым, неуклюжем”, **келтегей** “короткий”, **болтогой** “полный, толстый” и т.д. **Чара** (*// карсаң // кишилик*) – задняя часть седла, на которой сидит человек. Слово **чара** – “большая чашка”, образовалось путем метафоры, т.е. на основе внешнего сходства большой чашки и задней части седла. Данный путь словообразования в кыргызском языке отличается своей продуктивностью: **көздүн чарасы** “глазница”, **баштын чарасы** “верхняя часть головы”, **көрдүн чарасы** (казанак) “могильная яма”, **таканын чарасы** “нижняя часть копыта лошади”, **тогуз корголдун чарасы** “две ямки в центре доски при игре в тогуз коргоол” (тогуз коргоол – сложная, кыргызская настольная игра, отдалённо напоминающая шахматы: девять шариков и доска с двадцатью лунками; две лунки – казна – в игре не участвуют, а служат для складывания шариков; для выигрыша требуется определенный расклад шариков по лункам), данное название основано на внешних сходствах лунки тогуз коргола с большой чашкой. А значение слова **карсаң** (зверь) связано с тем, что обычно лицевая часть седла обшивается кожей диких зверей, а поэтому здесь, возможно, имеет место метонимический способ словообразования. В слове же **кишилик** выделяют корень **киши** (человек), а аффикс **-лык** относится к словообразовательным аффиксам, с помощью которых образуются имена существительные. К метонимическому способу словообразования можно отнести и образование слова **кулак** (буквально ухо), относительно части седла оно означает нарезку в центре луки. Например, **Оң кулак** (буквально правое ухо): *Камчыны оң кулагына илип кой* – Повесь кнут на правую сторону луки, **Сол кулак** (буквально левое ухо): *Тизгинди сол кулакка каңтар* – Поверни поводок в левую сторону луки.

В этой связи в данной статье нами было проанализировано около 40 слов, непосредственно относящихся к особенностям седла – предмета, являющегося частью этнокультурного наследия кыргызского народа. В частности, были рассмотрены следующие виды седла: **эр ээри** (седло для мужчин), **кыз келиндер ээри** (седло для девушек и женщин), **аргын ээр** (собранное седло), **кудаяр ээр** (седло Кудаяра), **дан баш ээр** (калмыцкое седло), **калкан ээр** (седло-шит), **кобул** (передняя часть седла), **жан жыгач** (лавки ленчика седла), **томполой** (лука седла), **карсаң** (лицевая часть седла), **кулак** (нарезка в центре луки). Большинство из этих слов не встречается в толковых словарях кыргызского языка. Следовательно, не вызывает сомнения актуальность изучения данной лексики кыргызского языка в этнолингвистическом аспекте.

Список литературы

1. Абдувалиев И. Конноспортивная лексика в кыргызском языке: дисс. ... к. филол. н. Фрунзе, 1984. 18 с.
2. Абдулдаев Э. Кыргыз говорлору. Фрунзе: Илим, 1966. 124 б.
3. Абдулдаев Э., Мукамбаев Ж. Очерки кыргызской диалектологии. Ф., 1959. 240 б.
4. Акматалиев А. Мастера и мастерицы. Фрунзе: Адабият, 1990. 201 с.
5. Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: АН Кирг. ССР, 1962. 351 с.
6. Аргынбаев Х. Казахские конные сбруи в XV-XVIII веках. Алма-Ата: Гылым, 1969. 290 с.
7. Вайнштейн О. Л. Иностранцы истории жилища степных кочевников Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
8. Боровков А. К. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 576 с.
9. Кибиков А. Н. Археологические находки Тянь-Шаня. М.: Наука, 1975. 133 с.
10. Кибиров А. Н. Экспедиция Тянь-Шанского археологического отряда М.: Наука, 1957. С. 68-91.
11. Киргизы. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 497 с.
12. Махмуд Кашгари. Словарь тюркских языков / перевод на кырг.: Т. Токоева, К. Кошмокова. Бишкек: Авразия пресс, 2011. Т. 1. 906 с.
13. Русско-алтайский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1964. 875 с.
14. Русско-узбекский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 920 с.
15. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркская и межтюркская основа на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
16. Сейдакматов К. Краткий этимологический словарь кыргызского языка. Фрунзе: Илим, 1988. 332 с.
17. Словарь туркменского языка. Ашхабад: Изд-во АН Турк. ССР, 1962. 866 с.
18. Толковый словарь кыргызского языка. Ф.: Мектеп, 1969. 778 с.
19. Юдахин К. К. Русско-киргизский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 947 с.

WORDS DENOTING OBJECTS OF MATERIAL CULTURE AND THEIR PLACE IN THE VOCABULARY OF THE KYRGYZ LANGUAGE

Usmambetov Bayaman Zhunushbekovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bishkek University for Humanities named after F. Karasaev, the Kyrgyz Republic
busmambetov@mail.ru

This article determines the semantic peculiarities of some lexical means, in particular, words denoting the kinds of saddle and its parts. The etymology of these words is considered on the basis of the comparative method both in cognates and in particular dialects. The paper gives the examples of the use of the named above vocabulary in colloquial speech, as well as in proverbs. At the same time the productivity of particular roots and derivational affixes is analyzed. In addition, some words that do not exist in the vocabulary of the modern Kyrgyz language, were taken from the works devoted to art criticism and ethnography.

Key words and phrases: lexical-semantic peculiarities; derivational affixes; vocabulary; etymology; dialect.

УДК 81

В статье рассматривается псевдоодновременность в русском языке на основе теории функциональной грамматики. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка проанализировать таксисные отношения псевдоодновременности на основе указанной теории и с использованием примеров из книги «Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис» [3].

Ключевые слова и фразы: функциональная грамматика; таксис; псевдоодновременность; русский язык.

Ханджани Лейла, к. филол. н.
Гилянский государственный университет, Иран
Khanjani83@yahoo.com

К ВОПРОСУ О ПСЕВДООДНОВРЕМЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ)

Цель данной работы – выявить семантические и грамматические механизмы актуализации таксисных отношений псевдоодновременности в русском языке и установить их идиоэтническую специфику. Для достижения цели решались следующие задачи: дать определение категории псевдоодновременности и охарактеризовать понятие «недифференцированный таксис»; выявить общие и специфичные для русского языка языковые способы передачи недифференцированного таксиса и псевдоодновременности; сформулировать семантические закономерности актуализации таксисных отношений, недифференцированных по временному параметру. Практическая ценность работы заключается в возможности использовать ее результаты в дальнейших исследованиях таксиса как на материале русского, так и других языков.

Временные отношения между действиями подразделяются на два типа: 1) дифференцированные и 2) недифференцированные. Дифференцированные таксисные отношения – это отношения одновременности/разновременности (предшествования – следования). Они могут осложняться различными модальными отношениями, отношениями целевой, причинной и другими типами обусловленности, а также характеристикой. Недифференцированный таксис дает представление о неопределенно-временном соотношении обозначения действий, при этом неопределенно-временность неоднородна: она распадается на собственно неопределенно-временные отношения, временную неорганизованность и «псевдоодновременность».

Необходимым условием для реализации значений таксиса является единство (целостность) периода времени, охватывающего все компоненты таксисной ситуации. При дифференцированных временных соотношениях это единство представляет собой своего рода «общую рамку», внутри которой осуществляется разграничение одновременности/разновременности [1, с. 506-507]. При отношениях же недифференцированного типа эта «общая рамка» выдвигается на передний план, становясь основным содержанием таксиса. Формы реализации временных соотношений недифференцированного типа многообразны. При неопределенно-временных отношениях, как и при дифференциации одновременности/разновременности, в едином периоде времени совмещены различные действия денотаты. Что касается отношений псевдоодновременности, то, как верно отмечает С. М. Полянский [3, с. 243-255], сказуемые полипредикативных высказываний с семантикой кореферентной соотнесенности называют и характеризуют разные аспекты единого динамического денотата.

По мнению Л. А. Новикова, при исследовании значений таксиса важно учитывать отношения между компонентами полипредикативного комплекса, определяемые лексико-семантическим составом высказывания: отношения внеположенности (исключения), включения, пересечения [2, с. 136-146].

Отношение внеположенности (исключения) имеет место между сказуемыми, отражающими понятия, объемы которых полностью исключают друг друга. Каждое сказуемое, находящееся к другим сказуемым высказывания в отношении внеположенности, передает какое-то одно действие, качественно отличное от других, соотносимых с ним в пределах данной таксисной ситуации.